

Пиночет — в России?

Кровавые московские события в октябре 1993 г., а также ускоренные ими политические перемены и институциональные реформы, как бы мы их ни оценивали, перевели развитие российской экономики в новую систему координат. Соотношение сил в новом законодательном органе, выборы в который пройдут в декабре 1993 г., и устремления законодателей вряд ли будут походить на систему ценностей и соотношения интересов, сложившиеся на Съезде народных депутатов и в Верховном Совете. Таким образом, как стабилизация российской экономики, так и перестройка экономической системы, принципы которых были сформулированы в речи Ельцина в октябре 1991 г. и во время деятельности первого правительства Гайдара, будут продолжаться уже в совершенно иных условиях.

Если западные наблюдатели и проправительственные российские средства массовой информации представляют переворот, происшедший осенью-зимой 1993 г., как победу демократии и демократов, то в России незамедлительно зазвучали мнения (Яхлакова, Т., 1993; Третьяков, В. 1993), особо указавшие на авторитарные моменты, наличие которых можно обнаружить как в содержании, так и в форме деятельности победителей. Хотя роль президентского аппарата с самого начала (с сентября 1991 г.) была определяющей (Васильев, С., 1993), позже ее значение, поначалу не слишком бросавшееся в глаза, несомненно возросло, более того, произошла ее ритуализация. Наряду с укоренением управления путем указов, об этом свидетельствовал и тот факт, что еще до октябрьского переворота 1993 г. те или иные министры, доказавшие свою непригодность, например, Малей, Лобов или Полторанин, явно не чувствовали свое перемещение в аппарат президента от

странением от власти. Напротив: именно это перемещение, как показывает ряд примеров от Гайдара до Шахрая, послужило наилучшей базой для позднейшего возвращения.

«Малая октябрьская революция» еще раз разоблачила печальное состояние органов внутренней безопасности и институционализировала постоянную роль военной элиты и вооруженных сил как опоры государства и «третьего судьи». Наконец, но не в последнюю очередь, этот переворот дал возможность отказаться от социалистических достижений, институционально закрепленных брежневской конституцией и новациями Горбачева. С одной стороны, это означало роспуск превратившихся в тормозящую силу советов, но еще более важным является аннулирование тех уступок, которые ранее сделал сам Ельцин. Двумя главными элементами второго процесса стали намерение президента остаться в должности до истечения срока президентского мандата, до 1996 г., и ликвидация Совета Федерации, созданного из «субъектов» Российской Федерации, которая к тому же совпала с удалением из текста конституции, вынесенного на референдум, ссылок на самостоятельность республик и иных субъектов государственности, хотя это и вызвало многочисленные протесты. С чисто экономической точки зрения все эти перемены можно считать позитивными, если с их помощью удастся ликвидировать альфу и омегу неудач прошлых лет: хаос, отсутствие сильной центральной власти. Воспользовавшись появлением *«сильной руки»*, опираясь на необычную свободу необычного периода, реформистское крыло в правительстве снова предложило осуществить радикальные преобразования в области законодательства, системы институтов и экономики (Бергер, 1993; Карюхн, 1993), так, например, в области приватизации, земельной реформы, относительно уголовного и гражданского кодекса, а также в сфере правительственных расходов и налогов. В последней сфере возможности правительства особенно возросли, поскольку теперь уже не нужно считаться с соображениями законодателей-популистов, пренебрегавших требованиями сбалансированности государственного бюджета.

Хотя в работах большинства российских наблюдателей (и советологов) наблюдается противопоставление логики стремления к экономической децентрализации и логики концентрации власти, на основе сравнения путей развития в зарубежных странах, быть может, было бы интереснее сформулировать другой вопрос. А именно: не пришло ли ныне время применения в России «чилийской модели», ведь, как это было видно и раньше (Csaba, 1988), в этой стране создание рыночной экономики возможно лишь при наличии сильной центральной власти, хотя это и не самое вероятное направление модернизации.

Политика реформ в период двоевластия

Ситуация в период с октября 1991 по октябрь 1993 г. решающим образом определялась несоответствием между экономическими устремлениями и политическим устройством. Как видно из цитированной работы Васильева, возглавляющего правительственный институт реформ, в октябре 1991 г. по не совсем ясным причинам и при не совсем ясных обстоятельствах президент отказался от популистской экономической политики, которую он представлял в предыдущие полтора года и которая, между прочим, в значительной степени была источником его популярности в сравнении с Рыжковым и Павловым, известными сторонниками ограничений. Став обладателем реальной власти, он дал полномочия по «наведению порядка» в экономике лицам, чьи взгляды и целевая модель коренным образом отличались от взглядов того большинства — в парламенте и в обществе —, представители которого, оставаясь верными советской традиции, считали экономическую политику второстепенным плацдармом социальной политики. Гайдар и его сподвижники принесли с собой круг идей, характерных для представителей стабилизационных теорий, составляющих одно из направлений в международной экономической науке, и смены режима, уже начавшейся в странах Центральной и Восточной Европы. Что бы мы об этом ни думали, с точки зрения данного анализа суть заклю-

чается в том, что воззрения и устремления реформаторов нельзя было примирить со взглядами подавляющего большинства законодателей и, конечно, со знаниями и амбицией государственного аппарата, оставленного в наследство империей. Единственной политической опорой группы реформаторов было доверие президента, на пределы которого указывал и эпитет «исполняющий обязанности», приклеенный к первоначально невысокому рангу Гайдара. Он был одним из многих руководителей страны, в то время как в законодательном органе, в президентском аппарате и в банковской сфере чувствовалось присутствие еще множества влиятельных лиц.

Коренное несоответствие экономических и политических отношений проявилось уже в декабре 1991 г., когда на III Съезде народных депутатов был принят целый ряд увеличивавших расходы мер, которые вводили процессы в совершенно другом направлении по сравнению со стабилизационной программой, составленной на различных правительственных дачах за несколько недель авральской работы. Эта программа, конечно, была необходима, ведь нужно было прийти к соглашению с кредиторами, договориться о продовольственной помощи и, не в последнюю очередь, добиться приема в МВФ. Однако эти внешние соображения едва ли могли оказать определяющее влияние на процессы, протекавшие в российской экономике.

Лишь в течение одного месяца, в январе 1992 г., эмиссия денег и кредитов по объему отставала от выраженного в текущих ценах валового отечественного продукта (GDP). С этого момента руководивший тогда банком Матюхин попал под перекрестный огонь критики, обвинявшей его в том, что он односторонне поддерживает «монетаристов» из правительства и пренебрегает указами официального начальства, руководства Верховного Совета, которое предписывало ему предоставлять льготные кредиты различным предприятиям, регионам и отраслям. Поскольку тот же Верховный Совет не согласился на выпуск крупных денежных знаков, не приходится удивляться, что ускорившаяся инфляция за несколько недель привела к недостатку наличных денег, а позже к возмущению населения. Последнее, конечно, было направлено не против

законодателей, защищавших интересы народа, а против прижимистого банкира и недалеких монетаристов.

В апреле на IV Съезде народных депутатов началось уже фронтальное наступление на экономическую политику, и крупная победа президента состояла в том, что Гайдара не сняли, ограничившись отставкой Матюхина. По прошествии еще двух месяцев в результате назначения трех представителей крупнопромышленного лобби: Хижи, Черномырдина и Шумейко, тогда еще казавшегося искренним сторонником Хасбулатова, а также под влиянием реактивации бывшего руководителя банка, Геращенко, извлеченного из-под спуда, сложилась новая ситуация. В сфере экономики возник новый, узкий кабинет, состоящий из «практиков», которые не обращали особого внимания на «теоретизирующую молодежь» и по собственному усмотрению и опыту продолжали финансировать воспроизводство старых промышленных и сельскохозяйственных структур. Последние, особенно колхозы, получили действенную поддержку и у вице-президента Руцкого. Так, к августу 1992 г. от стабилизации остался лишь сборник документов, закрепивший на бумаге ее цели: для преодоления затруднений сельского хозяйства, военной промышленности и не расплачивающихся друг с другом предприятий была осуществлена многомиллиардная эмиссия, а позиции рубля были немедленно и закономерно разрушены.

Крайне соблазнительно, следуя правилам сценической драматургии, охарактеризовать год, прошедший с сентября 1992 г., как год почти полного торжества зла. Реальная ситуация была все же несколько сложнее. В то время как убежденные сторонники реформ, Гайдар, Чубайс или Козырев, позиционно отступили и стали мишенью частых нападков в парламенте и прессе, по *частным вопросам* им удалось добиться немалых успехов. Была сохранена внешняя политика, благодаря которой уже три года неплатежеспособная страна по-прежнему получает кредиты и помощь, позволяющую избежать голода. В сентябре 1992 г. Гайдар ликвидировал систему центральных ассигнований, и сохранилось в основном свободное ценообразование, причем в такое время, когда поддерживаемый вице-президентом «Гражданский союз» вместе с представите-

лями отраслей требовали полного восстановления центрального распределения ресурсов и фиксации цен. В июле 1992 г. началась массовая приватизация. Ее экономический смысл практически не виден (при применяемых методах), зато она несомненно приучила миллионы людей к мысли о перемене собственности. Народная лотерея продолжалась в течение месяцев, оказав максимально благоприятное психологическое влияние. В итоге «власть денег» оказалась относительно прочной, сменила товарный дефицит и обесценила учреждения. Ментальность «тащи, мужик, на всех хватит» отодвинула на задний план традиционное почтение к авторитетам и пассивность, вызвав перераспределение политических сил. Немаловажно и то, что руководство внешней торговли, несмотря на многие противоречия (Sutela, 1993), не вернулось к изоляционистским, монполистическим приемам прежних времен. Присутствие иностранцев и иностранных товаров стало обычным явлением, и влияние этого на население страны, в течение десятилетий изолированной от внешнего мира, вряд ли можно переоценить.

В декабре 1992 г. сняли Гайдара, и руль управления перешел к испытанному руководителю советской газовой промышленности, Черномырдину. Реальное значение этой перемены было меньше ожидаемого. Отчасти потому, что в России процессы (включая эрозию власти) характеризуются высокой степенью спонтанности, отчасти потому, что старый-новый министр финансов, Борис Федоров, оказался по сравнению с Гайдаром лучшим администратором и гораздо более эффективным политиком. Используя свое положение и интеллектуальное превосходство, он превратил министерство финансов в невиданный по масштабам центр власти. К тому же его начальник, по необходимости, действовал подобно вору, ставшему полицейским, ведь теперь ему приходилось отвечать за все государственное хозяйство в целом.

По экономическим вопросам российское правительство, помимо других внутренних противоречий, резко разделилось надвое. Представители одного направления, отраслевое лобби, Лобов, Сосковец и другие классические отраслевые руководители, включая руководителя внешнеторговой отрасли,

выступали за поддержание производства, протекционизм, отраслевые программы и за принятие по инициативе государства антикризисных мер. Одним из главных сторонников этого направления, несмотря на свой пост, был президент центрального банка. Другая часть кабинета, реформаторы, ссылаясь на быстрое ухудшение ситуации, отменяли все новые ограничения, сводя проекты своих отраслевых коллег до уровня сборников пожеланий. Этот «успех» был побочным продуктом глубокого экономического упадка: в 1992 г. при сокращении валового отечественного продукта (GDP) на 17% образовалась 2100-процентная инфляция. На 1993 год планировалось 400%, однако этот уровень был достигнут уже в первые четыре месяца, причем не удалось остановить сокращения производства. Последнее блестяще доказывает, что ошибаются те именитые наблюдатели, которые видят причину упадка в недостатке денег и ограничениях и надеются найти рецепт лечения в создании спроса. Спор в России был решен международным событием: предоставление кредитов, навязанных Клинтоном МВФ, оказалось под угрозой из-за того, что министерство финансов и банк даже на бумаге не смогли согласовать свои намерения. В результате, под политическим давлением извне и изнутри, в мае 1993 г. эти два учреждения условились о более строгих условиях кредитной эмиссии, о действительной унификации курса, о прекращении списывания долгов предприятий и предоставления особых отраслевых кредитов, а также о поднятии на реальный уровень процентов по кредиту. Хотя президент банка в тот же день назвал эту договоренность всего лишь «джентльменским соглашением», а позже с немалым злорадством подчеркивал ее бессмысленность (Герашенко, 1993), его мнение противоречит фактам. После заключения соглашения количество денег (как M_0 , так и M_2 , а также эмиссия денег) заметно сократилось («Коммерсант», 1993/41, с.2). В третьем квартале, решающем из-за нужд уборки урожая, эмиссия денег возросла в 1992 г. на 185%, а в 1993 г. лишь на 50%, вследствие чего инфляция составит меньше половины прошлогодней, в то время как снижаются и темпы упадка (Федоров, 1993). Таким образом, нечего удивляться, что вскоре после достижения соглашения

курс рубля стабилизировался на соотношении 1100 руб. = 1 доллар и даже после путча не превысил 1200 руб. за доллар.

Интереснейшим следствием двоевластия стало полное прекращение предварительного регулирования экономических и финансовых процессов в России, где ранее планировали на 15 лет вперед. Последний бюджет был одобрен на 1991 год еще Верховным Советом СССР, с тех пор по существу не удалось провести даже квартального бюджета. Характерно, что квартальный бюджет утверждался в конце квартала. Пикантность ситуации в том, что это относится и к правлению Гайдара. Таким образом, когда стабилизация якобы стала доминирующим требованием, ни у кого не было *заранее одобренного бюджета, зато задним числом все* могло быть утверждено (Кириченко, 1993). В таких условиях, конечно, не может быть и речи ни о фискальной, ни о монетарной строгости, что проявляется в стабилизации гиперинфляции. Стоит еще раз вспомнить: вплоть до штурма регулирование эмиссии денег входило в компетенцию Верховного Совета, а не правительства. Законодатели принимали отдельные решения о значительной части расходов и регулярно пересматривали важные мероприятия правительства, от закона о банкротстве до сокращения расходов. Например, в августе 1993 г., несмотря на настоятельные просьбы министра финансов, они одобрили дефицит, составлявший 34—38% валового отечественного продукта (GDP), что может служить вопиющим примером финансовой безответственности. Конечно, от людей, представляющих в Верховном Совете отрасли и регионы и по праву чувствующих отсутствие политических перспектив, вряд ли можно ждать экономически более рациональных действий.

Однако нельзя не заметить, что внутренние расхождения в правительстве сыграли в выходе финансовых процессов из-под контроля роль, похожую на роль Верховного Совета. В августе 1992 г. прежняя экономическая политика была сведена с рельсов Геращенко, Руцким и Грачевым, а в июле 1993 г., во время конфискации денежных знаков,* Геращенко и Черномырдиным,

* В российских правительственных кругах существовал обычай винить в гиперинфляции рубль, использовавшийся и в других странах СНГ, т. е. валютную зону. Для исключения этого фактора российский центральный банк заменил денежные знаки, отпечатанные до 1992 г. — они составляли четвертую часть всего контингента наличных денег. Из-за возвращавшихся рублей и растущей скорости оборота в августе 1993 г. инфляция достигла 30%, т. е. мера оказалась обратное действие. Здесь не говорилось о вопросе сбережений в рублях, но в этом отношении замена оказалась еще более вредное и прочное влияние.

то есть теми, кто принадлежал к узкому кругу лиц, принимавших решения. А это говорит о том, что выражение «двоевластие», по всей видимости, свидетельствует о недооценке реальных масштабов расхождений. Отсюда следует, что устранение Верховного Совета, превратившегося в анахронический замок с привидениями, означает ликвидацию лишь одного и, возможно, не самого важного противоречия, мешавшего реорганизации экономики. В то же время нет сомнений, что из игры выведена группа лиц, которые все без исключения препятствовали осуществлению экономических целей реформаторов.

После выборов — вперед, к свободной рыночной экономике?

Подобно августу 1991 г., в октябре 1993 г. также сложились своеобразно повышенные ожидания под лозунгом «теперь-то все пойдет по-другому», хотя, конечно, с различным эмоциональным содержанием. Обобщая уже цитированные во вступлении и схожие с ними взгляды, можно прийти к выводу, что по сути дела мы являемся свидетелями создания имплицитно однопартийной системы, ведь три крупнейшие партии набиты фаворитами президента, настоящая оппозиция исключена из действительной борьбы за власть, поэтому упущены возможности заключения социального компромисса.

Кажется, немалая часть российского руководства аналогично интерпретирует сложившуюся ситуацию. Вернувшийся Гайдар, укрепивший свои позиции и ставший самостоятельной силой благодаря своему памяtnому выступлению в дни бунта, считает желательным указное введение пакета из почти тридцати законов, которые перекроили бы всю экономическую политику и систему институтов в целом, в то время как на долю нового парламента выпала бы задача по переделке правовых кодексов. Упомянутые указы должны охватить все сферы приватизации, либерализации, гарантий собственности, аграрной реформы, социальной политики и внешней торговли. В своей цитированной статье министр финансов Федо-

ров при определении статистических и качественных аспектов экономической политики также исходит из возможности более твердого курса по отношению к регионам, странам СНГ и фирмам.

Для оценки положения имеет смысл разделить политические и экономические вопросы. Для понимания политических вопросов важно не забывать ради лозунга «посткоммунистического переходного периода» об особенностях и социальной динамике в данной стране. Помнится, одна из ошибок, допущенных венгерским политиком Имре Пожгаи в 1989 г., состояла в стремлении к «имплицитно однопартийной системе». Тогда он считал, что сможет безоговорочно обеспечить реализацию своих притязаний на должность (сильного) президента, если поставит лояльных по отношению к нему людей во главе оппозиционных партий, казавшихся абсолютными фаворитами будущих выборов. Как мы помним, этот замысел оказался одним из крупнейших промахов переходного периода. Отчасти потому, что выяснилась невозможность спланировать развитие всего процесса в целом, отчасти потому, что круг победителей на выборах и соотношение сил между ними отличались от предварительных прогнозов. Такой же «комедией ошибок» стала сходная «стратегия» Леха Валенсы осенью 1993 г. При таких результатах сама идея начинает вызывать сомнения.

Эти сомнения возрастают при попытке применить эту идею в условиях российской действительности. Российская история прошедших лет (даже в области экономики) уже и в ушедшую в прошлое эпоху однопартийной системы была историей не монолитности, а не располагавшего традициями, но доминировавшего плюрализма. Из-за размеров страны и сложности переплетения интересов российское правительство становится местом функционирования характерного для крупных государств механизма координации многообразных интересов. Выше мы уже отмечали существование конкурирующих стратегий, связанных отчасти с регионами, отчасти с идеологией, а отчасти с личными амбициями. Как мы знаем из истории венгерского переходного периода, вопрос «кто из

чьей шинели вышел» быстро теряет свое значение, когда встает вопрос «куда», а главное — «в каком качестве» надлежит двигаться дальше. Поэтому уже в ходе избирательной кампании, а тем более после ее завершения станет несущественным, как в случае с Хасбулатовым или Руцким, принадлежал ли ранее данный политик к команде Ельцина или нет. В следующем действии существенными станут различные прогнозы на будущее и системы ценностей, выражаемые различными направлениями. Оценивая себя и ситуацию лишь по отношению к уже пройденной системе государственного социализма и небольшой группе людей, желающих вернуться к этой системе, можно прийти лишь к крайне шаблонным утверждениям. Поэтому как указание на новые различия, так и выявление продолжающих подспудную жизнь старых идей и устремлений/интересов имеют более важное значение, нежели вытеснение «непримиримых» оппозиционеров.

Формально против «однопартийности» свидетельствуют более 120-и разрешенных партий и движений, а также 13 партий и объединений, получивших право представить всероссийский список кандидатов и участвовать в выборах. В то же время значительные различия наблюдаются даже между движениями, которые могут считаться «придворными».

Едва ли нужно доказывать, что в длительной перспективе как с точки зрения государственного устройства России, так и с финансовой и конституционно-правовой точек зрения решающим будет вопрос о том, какая союзная система будет создана: централизованная, конфедеративная или смешанная. Думается, что в этом смысле реальные альтернативные решения предлагают Гайдар, решительно укрепляющий центральную роль Москвы, и Шахрай, выступающий под знаменем конфедеративного устройства и самостоятельности регионов. Эта альтернатива в определенном смысле более существенна, чем идеологические расхождения, подчеркиваемые разными движениями. Провозглашение Уральской Республики на родине Ельцина (которое он поспешил объявить недействительным) — всего лишь вершина айсберга. Неопределенное отношение большинства регионов к разрыву между президен-

том и Верховным Советом, помимо ошибочной оценки положения, может объясняться и наличием у них особых, важных интересов. Это — симптом, который нельзя оставить без внимания, ведь Совет Федерации будет как раз местом проявления этих интересов, господствовавших еще в прежнем законодательном органе (Вольский, 1993). Согласно эмпирическому исследованию, проведенному ИММО, до роспуска Верховного Совета 60% решений, принятых в области экономики, практически и формально зависели от областных центров (Емельяненко, 1993), что, как раз исходя из советского опыта, вряд ли можно существенно изменить назначением комиссаров.

Региональные и отчасти идеологические и политические отличия от программы Гайдара и его соратников воплощает реформенное движение во главе с Собчаком. С различными сегментами старых структур связаны Вольский, представляющий интересы приходящих в упадок отраслей экономики а также Болдырев и Явлинский, выражающие интересы товарных биржевиков, отлично умеющих ловить рыбу в мутной воде. Отчасти на ту же публику рассчитывают находящиеся на двух краях политической палитры коммунистическая партия Зюганова и «либерально-демократическая», расистская партия Жириновского, в то время как Аграрная партия и Демократическая партия могут опираться на резервы традиционного популизма. В целом партийную структуру в России в еще меньшей степени можно назвать сложившейся, чем венгерскую, польскую или чешскую партийные структуры времен первых свободных выборов. Несмотря на это эпоха неразберихи, исключаяющей выражение различных интересов и воззрений, безвозвратно отошла в прошлое.

С экономической точки зрения необходимо особо подчеркнуть, что, по предварительным оценкам, движения, поддерживающие реальные рыночные реформы, сообща могут рассчитывать на половину всех голосов. Как и на референдуме в апреле 1993 г., это — большинство, но не решающее, что указывает на ныне еще мало заметные социальные органичения власти и одновременно на тот предел, за который не сможет

выйти самая радикальная реформенная политика. Таким образом, можно рассчитывать на то, что в новом парламенте идея рыночной экономики столкнется с серьезной региональной и социальной оппозицией, разогнать которую будет уже невозможно.

Из сказанного следует, что мир законов по-прежнему будет находиться достаточно далеко от фактов, и при этом мы еще не сказали ни слова о таких мощных социальных движениях, уже долгие годы влияющих на российскую политику, как забастовочный комитет шахтеров или возродившиеся национальные движения, мафия и связанные с ней множеством нитей местные власти.

В целом новая российская политическая карта, которая возникнет после декабрьских выборов 1993 г., несмотря на сильную президентскую власть, будет не слишком напоминать чилийскую. Формально необыкновенно сильному, почти все-сильному президенту придется заключить тяжелые компромиссы с широким кругом оппозиционеров по существенным вопросам экономической политики и облика экономической системы. Если эти компромиссы поведут не в сторону постоянно рекламируемой модели рыночного хозяйства, то можно критиковать способ их заключения или их социально-экономическое содержание (Malle, 1993), однако сам факт их заключения не может вызвать удивления. Ведь подобные компромиссы до сих пор были и в дальнейшем будут необходимы для того, чтобы можно было избежать самого худшего — полного разрушения, распада крупнейшей военной державы, «империи» Европы. Заинтересованность Америки в поддержании российского государства и выполнении последним функции обеспечения порядка в регионе, при сохранении козырьевского курса внешней политики, может считаться стабильной, что выражается в оказании материальной и политической помощи России.

Но рассмотрим другую сторону пиночетовской аналогии, либеральную экономическую политику. Как известно (на венгерском языке см. недавнюю работу: Borbély, 1993), Чили за последние два десятилетия превратилась в страну с необычай-

но быстрыми темпами экономического роста, где в 90-е гг. рост валового отечественного продукта (GDP) на 6—7% в год можно считать нормальным. В стране была ликвидирована прежняя односторонняя монокультура, а доля бедняков, ранее составлявшая три четверти всего населения, за два десятилетия сократилась до 1/4 населения, несмотря на быстрое увеличение числа жителей страны. Преобразования опирались на перестройку системы институтов: здесь была введена система пенсионного обеспечения и социального стархования, хорошо функционирующая по рыночным принципам и применимая в условиях Восточной Европы (Hanke, 1991). Посмотрим, в какой степени следует этой модели экономическая политика команды Ельцина, освободившейся от противодействия Верховного Совета и коммунистических противников.

Согласно цитированным выше программным декларациям двух ключевых членов правительства, долю бюджетного дефицита, соотнесенного с валовым отечественным продуктом (GDP), планируется сократить в 1993 г. до 15—16%, а в 1994 г. до 8—10% GDP. Эта последняя цифра сопоставима с вызывающим необыкновенное беспокойство венгерским показателем 1993 года или с итальянским показателем, вынудившим правительство Амато ввести резкие ограничения. Федоров, несомненно рассчитывающий на психологическое воздействие своих заявлений, ожидает в первой половине 1994 г. снижение инфляции до 10% в месяц: это более чем в пять раз выше ожидаемого в 1993 г. в Венгрии показателя инфляции. Если, как это планировалось, к отряду реформаторов присоединится и центральный банк, то в 1994 г. можно будет рассчитывать на удар по инфляции и на возвращение сложившегося в 1991 г. при господине Павлове трехзначного повышения цен; если этого удастся добиться, то к 1995 г. инфляция сократится до польских размеров. В целом это не слишком жесткая бюджетная и монетарная политика, хотя она и будет сопровождаться резким перераспределением доходов внутри страны.

Стоит заметить, что упомянутый выше прогноз необычайно оптимистичен и предполагает установление почти без-

условного приоритета стабилизационных проектов. Между тем предполагать это было бы большой самоуверенностью, ведь партия Российского единства (партия Шахрая), которую поддерживает премьер-министр и многие другие руководители, сформулировала совершенно иные экономические приоритеты (Бартышин, 1993). Она отвергает «одностороннюю» стабилизацию, настаивает на активной промышленной политике, необходимой для развития регионов, на примирении с монополистическими промышленными организациями, и открыто требует ведения протекционистской торговой политики. Поскольку это направление представлено в российском правительстве не только на политическом уровне, оно наверняка сыграет свою роль в развитии событий, даже если и не будет заключено коалиционное соглашение. И лишь для полноты картины стоит отметить, что Гражданский союз, Демократическая и Аграрная партии, а также сторонники Жириновского и коммунисты едва ли будут представлять в новом парламенте финансовый догматизм.

Положение правительства усложняется и из-за запутанной системы налогов и льгот. (Фонд Реформа, 1993). Правда финансовое руководство провозгласило борьбу с путаницей как в области сокращения расходов, так и в области неплатежей, а также кредитных и процентных льгот. Однако трудность «лишь» в том, что, с одной стороны, подобные льготы как правило связаны с маршрутами поездок по стране президента или премьер-министра, а с другой стороны, они объясняются своеобразным положением таких «субъектов», как Башкортостан, Татарстан и Якутия, где без тотального централизма едва ли можно будет добиться перелома.

Другим главным средством наведения финансового порядка мог бы стать, конечно, риск банкротства. С мая 1992 г. существует закон о банкротстве, однако банкротств нет, поскольку их боятся все заинтересованные лица. Нечего удивляться тому, что платежная несостоятельность в отношениях между предприятиями размером в 2,2 триллиона рублей, урегулированная в августе 1992 г., была воспроизведена через год в объеме 11—12 триллионов рублей. Мнения прави-

тельствующих органов относительно причин и способов исправления сложившейся ситуации разделились (Исмаилова, 1993): в то время как отраслевое лобби и банк говорят о нехватке денег, представители министерства финансов настаивают на превращении задолженности в обязательные векселя и взыскании долга по истечении их срока, то есть на введении своего рода принудительного банкротства. Последнее, правда, уже введено президентским указом, но его реализация все же сомнительна. Хотя такая мера была бы разумной и повысила бы платежную дисциплину предприятий, два момента неизбежно наводят на размышление. С одной стороны, центральный банк имеет возможность выразить свое противодействие в рамках своей компетенции посредством предоставления кредитов, отсрочки долгов и других финансовых льгот. Как показывает пример Польши, размягченная монетарная и кредитная политика может подорвать даже усилия необыкновенно последовательной бюджетной политики. Эта опасность, естественно, возрастает, если бюджетная политика, по упомянутым выше причинам, не может быть последовательной. С другой стороны, грозит и другая опасность: российские торговые банки просто не примут собственных полномочий, означающих «ничью собственность» и касающихся никуда не годных основных средств (Гуревич, 1993). В ответ представители министерства финансов с полным правом утверждают, что если хотя бы в каждом пятом случае произойдет децентрализованная координация интересов, то эксперимент уже оправдывает себя, это подтверждается и венгерским опытом.

Однако в целом нет оснований пугать общественное мнение шоковыми крахами и упразднением предприятий, как это по привычке делают Вольский, Геращенко и другие лоббисты. Настоящая опасность скорее состоит в том, что российские предприятия по-прежнему переживут, преодолеют все невзгоды, в результате чего жесткость структур и распределения, характерная и для отличающейся прочной и быстрой инфляцией экономики латиноамериканских стран, останется постоянной отличительной чертой российского экономического развития.

Говоря о трудностях банкротства государственных фирм, мы тем самым указали и на общие пределы нормальной приватизации. Дело в том, что в перестраивающейся системе экономики одним из естественных средств перемены собственников является частичная или полная передача обанкротившихся предприятий тем, кто лучше прежних владельцев сможет обеспечить доходность этих предприятий. Неизбежное в таких случаях «разбазаривание» — один из важнейших мотивов перехода собственности, именно оно подталкивает владельца денег к отказу от ликвидности своего имущества и вложению его в рискованное дело. Упомянутый процесс, естественно, усложняется, если государственные предприятия намереваются продавать, оговорив их производственный профиль и условия занятости. В России к этому надо добавить враждебную социальную атмосферу, произвол чиновников и беспомощность управленческих органов, а также наряду с правовой неупорядоченностью многих моментов, невозможность взыскания долгов и неоформленность судебной процедуры. Хотя один из главных советников российского правительства (Райзберг, 1993) говорит об этих факторах прежде всего применительно к иностранным вкладчикам, все это многократно относится и к вкладчикам внутри страны. Тот факт, что в экономику такого крупного государства инвестировано всего 200 млн. долларов, хорошо показывает: атмосфера, состояние экономики и всеобщая неуверенность не благоприятствуют ускорению инвестиций. Между тем, как заметил безымянный комментатор газеты «Московские новости» (93/44), купонная приватизация не принесет инвестиций, не даст их ни выкуп трудящимися и руководством, ни покупка с помощью скупленных купонов, а если бы кто-то все же инвестировал, то налоги быстро поглотят все видимые доходы. Добавим, что предприятие, находящееся во владении государственного инвестиционного фонда, не может считаться частным предприятием, таким образом, российская приватизация сделала пока лишь небольшие шаги, и нет оснований рассчитывать на ускорение в будущем.

Не приведет ли все же к перелому ноябрьский президентский указ 1993 г., в полном объеме разрешающий частную собственность на землю? В этом отношении к осторожности призывает то, что выше мы видели среди главных препятствий распространения приватизации не идеологические, а экономические и политические факторы. С одной стороны, конечно, уничтожение многолетнего идеологического табу имеет важное значение, ведь без частной собственности на землю не может быть рыночной экономики. Землевладельцы понимают, что такое обременение земли или передача земли по наследству, и не обращают внимание на абстрактные аргументы. С другой стороны, критики указа (Лазоревский, 1993) еще до его появления обратили внимание на некоторые его — с тех пор доказанные на практике — недостатки: прежде всего на то, что указ не создает городского и областного рынка недвижимости, оставляет в неприкосновенности всемогущую аграрную бюрократию, не говоря уж о проблемах инфраструктуры частных хозяйств и их кредитообеспечении. С тех пор руководство многих городов подтвердило: недвижимость по-прежнему можно лишь арендовать... Короче говоря, нужно пройти еще долгий путь до закрепления частной собственности в качестве конституционного принципа и договорной свободы. Свобода торговли, не раз провозглашавшаяся на высоком уровне, произвольно, но систематично была отеснена на периферию с помощью исполнительных директив, постановлений в области санитарии, территориального благоустройства и т. д. (Горский—Слепов, 1993).

В качестве обобщения можно установить, что ни в области стабилизации, ни в области перестройки системы нет оснований ожидать крупного прорыва в направлении свободной рыночной экономики. Не нужно большого дара предвидения, чтобы предсказать ухудшение отношений между Россией и международными финансовыми организациями. Дело в том, что практические меры реформенного правительства, которое в России часто называют просто агентом Запада, уже на стадии «ухаживания», то есть в ходе консультаций по экономической политике, не вызвали у представителей МВФ ни вос-

торга, на даже понимания (Засурский, 1993/6). Представителей МВФ не без основания беспокоит называемая реформенной политикой импровизация правительства, его внутренние противоречия, в том числе устойчивое влияние отраслевого лобби, угроза аграрного министра подать в отставку, но больше всего их волнуют отдельные меры, явно разрушающие бюджетные рамки, в том числе аграрные дотации и дело развития северных регионов, сохранение излишнего бюрократического регулирования и изоляция министерства финансов. Добавим, что о действительно крупных реформах, например, о преобразовании налогообложения и социального страхования, о реформе бюджета и банковской системы, вообще стоит говорить лишь в десятилетней перспективе. В результате разрыв между намерениями и действительностью, возникший в России в поздний период перестройки, не сократится и в следующие годы.

Обобщим главные выводы. Конкретные факты переворота, произошедшего осенью-зимой 1993 г., многообразно подтверждают основную мысль упомянутого во вступлении прогноза, сделанного шесть лет назад: ни один из двух главных элементов политики Пиночета не принадлежит к числу факторов, определяющих российскую действительность. В то же время ошибочна и опасна ставшая уже шаблонной недооценка значения российских перемен, их смешение с лжереформами советской эпохи. Команда Ельцина несомненно осуществляет качественные перемены, хотя и не теми методами и не в такой степени, в какой они предполагали их осуществить. Однако в этом они не одиноки среди политиков, осуществляющих смену строя. Мы заинтересованы в соответствующей его значению оценке нового, западнического поворота русской истории уже потому, что он является важным фактором общеевропейской безопасности, а Россия остается вторым крупнейшим деловым партнером Венгрии.

Использованная литература

- БАРТЫШИН, Р. (1993): Предвыборная борьба: Кремль меняет правила каждый день. — *Независимая газета*, 19 окт.
- БЕРГЕР, М. (1993): Временное правительство в условиях временной свободы от парламента. — *Известия*, 9 окт.
- ВОЛЬСКИЙ, А. (1993): Мнение. — *Московские новости*, № 41, с. 5.
- ГАЙДАР, Е. (1993): Россия намерена вернуть свой статус экспортера зерна (интервью О. Лациса). — *Известия*, 23 окт.
- ГЕРАЩЕНКО, В. (1993): У правительства сегодня нет никакой экономической политики (интервью У. Засурского). — *Независимая газета*, 28 окт.
- ГОРСКИЙ, К.—СЛЕПОВ, К. (1993): Свобода торговли: не пробуждай воспоминаний, — *Коммерсант*, № 39.
- ГУРЕВИЧ, В. (1993): Вечером — вексель, утром — деньги. — *Московские новости*, № 44.
- ЕМЕЛЬЯНЕНКО, В. (1993): Наступление провинции на Кремль. — *Московские новости*, № 40.
- ЗАСУРСКИЙ, И. (1993): Россия вряд ли получит кредиты МВФ. — *Независимая газета*, 15 сент.
- ИСМАИЛОВА, Т. (1993): Монетаристы одолевают промышленное лобби. — *Bussiness MN*, № 42.
- КАРЮХИН, С. (1993): Правительство России защищает собственника. — *Известия*, 12 окт.
- КИРИЧЕНКО, Н. (1993): Не приведи господь теперь увидеть российский бюджет — бессмысленный и беспощадный. — *Коммерсант*, № 38.
- ЛАЗОРОВСКИЙ, А. (1993): По проекту Президента земля остается у колхозных феодалов. — *Известия*, 26 окт.
- ПОРТНИКОВ, В. (1993): Что решит Россия? — *Независимая газета*, 20 окт.
- РАЙЗБЕРГ, Б. (1993): Неласкова Россия к иностранцам (интервью О. Куршельницкой). — *Независимая газета*, 26 окт.
- ТРЕТЬЯКОВ, В. (1993): Сегодняшняя альтернатива. — *Независимая газета*, 7 окт.
- ФЕДОРОВ, Б. (1993): Проигравшие в борьбе с инфляцией проигрывают выборы. — *Известия*, 16 окт.
- ФОНД РЕФОРМА (1993): Беспорядок в льготах мешает отношениям Центра и регионов. — *Финансовые известия*, № 48.

- ЯХЛАКОВА, Т. (1993): Рисканный выбор России. — *Московские новости*, № 43.
- BORBÉLY, Sz. (1993): Chile: a demokráciától a diktatúráig — és vissza. — *Társadalmi Szemle*, 49. évf. № 10.
- CSABA, L. (1988): CMEA in the Year 2000. — *The Nordic Journal of Soviet and East European Studies* (Sweden), Vol. 5. No. 1.
- HANKE, S. (1990): *Economic Reform in Yugoslavia*. Centre for Research into Communist Economies, London.
- MALLE, S. (1993): Privatization in Russia: a comparative study in institutional change. In: Csaba L. szerk.: *Privatization, Liberalization and Destruction: Recreating the Market in Central and Eastern Europe*. Dartmouth Publishing Co. Ltd, Aldershot (Anglia) és Brookfield (Vermont, Egyesült Államok), p. 71—101.
- SUTELA, P. (1993): Russian foreign trade between liberalization and state control. In: Csaba L. ed., *Privatization ... etc*, p. 131—150.
- VASILJEV, Sz. (1993): Economic reform in Russia: social, political and institutional aspects. In: Aslund, A. and Layard, R. szerk.: *Changing the Economic System in Russia*. F. Pinter Publishers Ltd, London, p. 72—88.